

Ксения Квин

Призрачный идеал

Пролог

Во всем мире миллионы детей и подростков страдают от насилия со стороны одноклассников, непонимания и игнорирования со стороны родителей, пренебрежительного отношения учителей. В век киберпространства появилась и стала весьма серьезной проблема насилия в интернете, а также зависимости от него. Еще не совсем окрепшая и не до конца сформировавшаяся детская и подростковая психика, принимающая виртуальную жизнь в социальных сетях и мнения сверстников близко к сердцу, не может адекватно реагировать на всякого рода провокации, отчего для решения проблемы выбираются кардинальные меры, которые заканчиваются весьма плачевно. В наш технически развитый век, когда со всех сторон ведется пропагандирование определенного образа мышления, подросткам тяжело сохранить свою индивидуальность, понять правильные ценности и ценить душевные качества людей, а не только внешнюю оболочку. Жестокость и цинизм западает им с ранних лет в душу, как благодаря средствам коммуникации, так и благодаря плохим примерам окружающих их взрослых людей.

«Вы смеетесь надо мной, потому что я отличаюсь от вас, а я смеюсь над вами, потому что вы не отличаетесь друг от друга!» (с)

***«И вот она сперва много плакала, а потом стала злая...»
(с) М.А Булгаков. Мастер и Маргарита***

Глава 1

Каждый живет в своем собственном мире, сотканном из слоев личного, индивидуального восприятия действительности. В городах на каждой улице ютятся множество зачастую однотипных многоэтажных домов, но в каждом окне кипит своя собственная, неповторимая жизнь, со своей историей и устроенным бытом. Не зря многие, проходя мимо, любят заглядывать в чужие окна. Это как на несколько секунд приоткрыть занавес чужой жизни, окунуться в другой, иначе устроенный быт, увидеть людей в своих убежищах, ибо люди прячутся в своих квартирах от окружающего мира, точно черепахи в своих панцирях. Только в своих квартирах они позволяют себе быть самими собой, не надевать какую-нибудь маску, лицемерить или подлизываться, фальшиво улыбаться или сдерживать свои эмоции, когда нет настроения. Когда хочется плакать, они плачут. Ведь они в своей квартире, в своем убежище. Там витают их мысли, заветные мечты, беды и разочарования или же наоборот - счастье и радость. Всюду каждый день создается своя собственная, отдельная история. Иногда люди пересекаются, но убежище остается неизменным. Каждая квартира неповторима и уникальна, как и сами люди. Они даже пахнут по-разному - у каждой квартиры свой собственный, индивидуальный запах. Они скрывают семейные тайны и вместе с тем по тому, как она обустроена - уютная или же такая, из которой хочется быстрее сбежать, можно узнать какие люди в ней живут. Каждый проводит много времени в своих родных стенах, в своем убежище, оторванном от внешнего мира, и будто вырастает в них, становится с ним одним целым. Неудивительно, что квартиры хранят энергетику своих владельцев и даже своим видом отображают их характер и склонности.

Все это давно заметила Ангелина Чернова. Все это касалось и ее старенького пятиэтажного дома, с первого взгляда такого обычного и непримечательного, не отличавшегося от большинства таких же точь-в-точь похожих друг на друга домов в этом районе. Но если присмотреться внимательнее и хорошенько понаблюдать за его жизнью, точнее за жизнью его обитателей, то становится понятно, как он отличается от всех других, и что второго такого нет, и никогда не будет. Так же, как не бывает двух идентичных людей. Каждая его квартира живет отдельной жизнью. В них могут меняться жильцы, люди переезжают и умирают, но они остаются в памяти того места, где жили. Каждая квартира хранит информацию о своих жильцах. Никогда больше ни в одном другом доме не повторится именно этот порядок людей, живущих в одно время в одном месте.

Каждое утро, собираясь в школу, Ангелина выглядывала в окно. И всегда она наблюдала одно и то же: как соседка с лестничной площадки, пожилая женщина в очках и

платке, повязанном поверх седеющих волос, каждый день, в одно и то же время, выходила из подъезда и кормила бродячих кошек, собиравшихся ровно к тому времени со всей округи. Животные тоже умеют четко следить за временем, когда им это нужно, когда от этого зависит, поедят они сегодня или нет. Женщина разговаривала с ними, будто они понимали ее, бормоча себе что-то под нос, но слов нельзя было никогда разобрать. Разговаривала как со старыми добрыми друзьями, улыбалась им, смеялась, даже глаза ее светились от радости, когда те обступали ее со всех сторон, ожидая угощения. Лицо ее все преображалось, точно светилось изнутри, морщины разглаживались, она даже как-то вдруг молодела. Будто на свет показывалась сама ее сущность, душа, которую себе подобным она раскрывать боялась. Ангелина не знала причину, вынудившую ее разговаривать с кошками, но было видно, что эти разговоры доставляют женщине куда больше удовольствия, чем разговоры с людьми, которых по не понятным причинам она почему-то всегда избегала. Возможно, только с животными она могла быть самой собой и это все объясняло.

В принципе, Ангелина ее хорошо понимала, так как ее саму всегда больше привлекали кошки и другие животные, чем люди. С ними намного проще, чем с людьми. Если они любят, то уже навсегда, до самой своей смерти. Если преданы, то до последнего своего вздоха, ценой собственной жизни. Они не лгут и не лицемерят. Если им что-то или кто-то не нравится – они это честно и прямо тут же показывают. Они не умеют притворяться подобно людям ради собственной выгоды. Они принимают тебя такую, какая ты есть. Им все равно на внешность, в отличие от людей.

Ангелина обожала свою кошку Джен, названную в честь ее любимой героини из известной книги Шарлотты Бронте “Джен Эйр”. Кошка была самой обычной – трехмастной, но обладала на удивление умным и пронизывающим взглядом очень темных глаз. Когда она смотрит на человека, то смотрит всегда в глаза и, кажется, что она заглядывает тебе прямо в душу.

Помимо ежедневного кормления бродячих кошек, женщина увлекалась еще и разведением комнатных цветов. Каких только разновидностей цветов в горшочках не было у нее на балконе и в квартире, от которой всегда противно несло разными удобрениями. Как-то раз она даже подарила Ангелине один горшочек с цветком. Ангелина тогда сильно удивилась такому вниманию от нелюдистой своей соседки, но потом пришла к выводу, что та заметила интерес с ее стороны к своей персоне и видно решила, что ее, Ангелину, заинтересовали цветы, а не ее внутренний мир, который никого больше не интересовал. И хоть Ангелина всегда забывала его поливать, да и в цветах совсем не разбиралась, но было все же очень приятно на душе от подарка. Глядя на этот цветок, который она поставила на подоконник в своей маленькой комнатке, поневоле всегда вспоминала соседку. Странно, но

Ангелина даже не знала, как ее зовут, хоть и видела ее каждое утро. Впрочем, знакомиться с ней у нее не было желания. Ей нравилось только наблюдать со стороны, точно зритель за людьми на сцене.

Такой себе созерцатель по натуре, Ангелина любила исподтишка наблюдать за людьми. Но интересовали ее люди нестандартные, скрытные, хранящие при себе какие-то свои тайны, мысли, суждения. Болтливых и недалеких особей она терпеть не могла. За подростками же и молодежью наблюдать она и вовсе не любила. Не было в них ничего особенного, все точно под копирку. Выдуманные проблемы у всех одинаковы, комплексы подобны, образ мыслей и высказывания не отличаются никакой оригинальностью и у всех одни и те же. С ними не о чем поговорить, нечего послушать, и нечего им рассказать, так как признают они лишь определенные модные темы и определенный тип поведения. Книг почти никто уже не читает, и отупевший мозг питают лишь интернет и телевизор. Впечатлениями о прочитанной книге ей, Ангелине, совершенно не с кем поделиться, так как все знакомые ей девушки, ее ровесницы, их не читают и разговаривают между собой только об одежде, социальных сетях и парнях. Ангелина не понимала, как можно часами обсуждать одни только джинсы, юбки, платья, кофточки, туфли, сумки и так далее, без остановки. Не понимала как можно без конца и края торчать в социальных сетях и выискивать признаки симпатии со стороны понравившегося парня по тому лишь, сколько твоих фоток он лайкнул или сколько песен бросил тебе на стену, не понимала, как можно целыми днями рассматривать там фотографии друзей и злословить о чужой внешности. Настоящей, реальной жизни никто из них пока не знал и, по сути, не видел серьезных проблем, а потому их смехотворные, надуманные проблемы просто раздражали Ангелину и не находили понимания или сочувствия, которых от нее требовали при разговоре. Она и рада была бы найти других, с кем бы сошлись у нее интересы и увлечения, взгляды и мировоззрение, да в окружении таких не находилось и начинало казаться, что везде все одинаковы, ибо выращены и воспитаны телевизором, интернетом и чужим мнением. Ее интересовали люди немолодые, пожившие уже на свете, видевшие жизнь другой, не такой, какой она стала сейчас - через призму экранов и мониторов. Интересовали люди про себя что-то таящие, понимающие, видящие намного больше, чем следует обывателю. Почему? Возможно, потому что и сама она смотрела и понимала глубже других. Впрочем, больше всего она любила наблюдать за людьми якобы странными, которых зачастую именуют теми, кто не от мира сего, а когда встречаются таких, то искоса поглядывают и даже крутят пальцем у виска вслед или просто обходят стороной все обыватели, которые считают себя нормальными.

Ангелина заметила и выходившего каждое утро из подъезда сутулого молчаливого мужичка с синей клетчатой сумкой. Он был нелюдим и никогда ни с кем не здоровался.

Взгляд его вечно где-то блуждал, будто и находился он вовсе не здесь, а в другом измерении, в каком-то своем собственном мире. Одевался чудно, даже комично – в какие-то короткие штанишки с подтяжками и почти ковбойскую шляпу. Ангелина о нем знала лишь то, что живет он на четвертом этаже. Ей было интересно, куда же он ходит каждое утро со своей сумкой. На ум приходило лишь одно место – рынок. Но почему каждый день и что он там делал? Возможно, что-нибудь продавал или где-нибудь просто собирал бутылки. Жил он одиноко, отстраненно и весьма вероятно, что ему не хватало денег. Странно, что мы каждый день видим соседей, живем с ними годами в одном доме и ничего почти о них не знаем. Прошли те времена, когда о своих соседях люди знали все. Теперь все живут только в своем убежище, в своем мире. Никому ни до кого нет дела. Возможно, это и хорошо. Но как-то одиноко, что ли, точно все кругом безвозвратно разделены. Смотришь, как каждый молча бежит по своим делам и находит тоска, чувство, будто только ты один потерянный в этом мире.

Как, наверное, во всех старых пятиэтажных домах и у них были свои бабули – сплетницы, восседавшие на лавках возле подъездов. Спасаясь от одиночества и каждая от своих проблем, они целыми днями, особенно в теплую пору, сидят на лавках в обществе себе подобных и развлекаются обсуждением проходивших мимо, спешащих по своим делам людей. У каждой из них своя причина сидеть на этой самой лавке. У каждой из них своя собственная печальная история, вынудившая именно так коротать свои последние годы. Именно поэтому они часто такие обозленные и всем недовольные. В старости находится уйма времени на воспоминания, на сожаления о неудачно сложившейся жизни, о зря прожитых годах. К старости все стремятся к обществу, что бы заполнить пустоту в жизни и полное, давящее одиночество. У этих на лавках все было, казалось, напоказ, но самое сокровенное сидело глубоко, и не угадывалось. Внутреннюю тоску, боль и неудовлетворенность заглушали на время осуждение и критика других.

Но больше всего Ангелину интересовала соседка с третьего этажа. Эта еще не совсем старая женщина каждый день в полвосьмого утра выходила на улицу и ходила кругами вокруг дома. Иногда она садилась на лавочку. Садилась она всегда одна, вдалеке от всех. Ангелина неизменно видела ее, выходя как раз в это же время в школу. Женщина, впрочем, выходила и вечером. Вообще, казалось, что она все свое время проводит на улице, а домой заходит лишь поесть и поспать. Что-то ее выгоняло из дому, гнало прочь на улицу в любую погоду, поближе к людям, к жизни. И хоть она не общалась ни с кем, в особенности с теми, что сидели на лавках, но все же заметно было, что вид суетящихся людей вокруг придавал ей самой бодрости и энергии. Она ходила медленно, задумчиво, размеренным шагом. А если и садилась на лавку, то подальше от сплетниц, словно боясь измазаться. Но что именно ее

гнало из квартиры даже в самую плохую погоду? Ангелину поражало выражение глаз женщины. Они всегда были до того печальными, что ей становилось не по себе. Казалось, будто она носила на себе печать скорби, всю боль мира. Что же у нее случилось? Какую личную боль скрывали эти глубокие глаза? Ангелина не знала, да и не представляла себе как узнать. Такое просто так не спросишь. По крайней мере, она не могла. Она, как и все вокруг, жила в своем убежище, в своем собственном мире. Да и не принято лезть в душу к человеку с просьбами об откровении.

Ангелина обвела глазами свою маленькую комнатуху: диван, возле окна стол с компьютером, шкаф вдоль стены и любимая полочка с книгами над диваном. Ангелина обожала книги. Погружаясь в них с головой, ее порой было не дозваться. Это сильно бесило мать, которая не понимала такого чрезмерного увлечения. Сама читать книги она не любила. Ее больше привлекало времяпровождение вне дома во всевозможных шумных компаниях друзей и подруг, таких же, как она – людей простых, грубых, ограниченных и не стремящихся к развитию интеллекта, все интересы которых сводятся к алкоголю и телевизору. Отца своего Ангелина никогда не знала и не видела ни разу. Более того, она вообще сомневалась, что и мать его знает и помнит, ведь вполне возможно, что сама видела его только раз и то в пьяном угаре. Очень уж, по всей видимости, за всю жизнь у нее было много мужчин, которых она прямо боготворила, причем всех подряд, в основном самых недостойных. Да и ее, Ангелину, она вряд ли хотела рожать. Видимо, просто поздно было делать аборт, на что она не раз сама же и намекала. И Ангелина всю жизнь чувствовала на себе эту нежеланность, ненужность. Тащила на себе эту нелюбовь и страдала.

Думая о матери, Ангелина медленно прошлась по всей их небольшой двухкомнатной квартирке, где они жили вдвоем. Вся квартира была неухоженная, какая-то обшарпанная, запущенная, точно и вовсе нежилая, без необходимого элементарного косметического ремонта, со старой мебелью – словом, выглядела печально, заброшенно и совсем неуютно. Все пятнадцать лет своей жизни она прожила здесь. И все пятнадцать лет квартира выглядела одинаково. Матери до нее совершенно не было дела, как собственно и до нее, Ангелины. Когда-то квартира эта принадлежала дедушке с бабушкой, но потом они отдали ее повзрослевшей дочери, а сами перебрались жить в деревню. Дочь, почувствовав свободу, пустилась во все тяжкие. Родители сначала еще пытались ее надоумить, но она их не слушала, а ближайшие лет пять, у них уже не было на это ни сил, ни здоровья. Единственное, что они еще могли делать, так это жалеть внуку и помогать ей, как только можно деньгами.

Ангелина прошла на малогабаритную кухню, в которой еле помещалась одна она со своими семидесяти пятью килограммами. Следом за ней вбежала Джен и громко мурлыча, принялась тереться об ноги. Ангелина знала, что та просит еды и поэтому, взяв из кухонного

шкафа корм, насыпала его в кошачью миску. Джен с радостным мяуканьем принялась за дело. Наблюдая за кошкой, она испытывала радость. Можно сказать, что это животное было самым родным ей существом, самым близким и дорогим, утешением. Точнее, Ангелине иногда казалось, что только кошка ее и любит, только ей она и нужна. Все остальные почему-то ее не замечали, не хотели замечать в ней личность, игнорировали. За ее пусть и толстой непривлекательной фигурой, будто не видели в ней живого человека - способного чувствовать, испытывать эмоции и, в конце концов, как и все люди, заслуживающего и достойного любви.

Ангелина перевела взгляд с кошки на окно. На улице уже совсем стемнело, а матери все не было. “И как ей не надоедает каждый день где-то шиться, да еще после работы?”, - думала она. С матерью ей было тяжело – они не понимали друг друга, ибо оказались слишком разными натурами. Мать презирала и не принимала ее увлечений, Ангелина в ответ осуждала ее непутевый образ жизни.

Вздыхнув, она решила сделать себе бутерброд. Ей вдруг страшно захотелось есть – то ли от нервов, то ли из-за тоски, чтобы заглушить чем-нибудь чувство покинутости, одиночества. Она знала, что это вредная для нее еда и от нее поправляются, но готовить особо не умела, да и не хотелось. А поесть было нечего больше. Мать готовила редко, только когда была дома, что случалось еще реже. Да и не любила она это дело. В основном покупала всякую вредную гадость – обязательно высококалорийную и мучную, которая быстро готовится и подешевле. У самой же Ангелины не было денег на ту еду, которая была бы полезной и не такой калорийной. Да и привыкла она уже ко всякой гадости, к которой приучила ее мать с детства, к тому же часто вкусной. А полезная еда редко бывает вкусной, в основном она вся противная и безвкусная. Вот если бы ее приучили к здоровому питанию с самого раннего детства, совсем другое дело. Впрочем, и сама мать фигурой не блистала уже давно – вся какая-то обрюзгшая от алкоголя и постоянных ночных гуляний и только ставит себя королевной.

Джен наевшись, улеглась на стуле, свернувшись калачиком и задремала. Со стороны она напоминала пушистый живой комочек. Ангелина с большущим бутербродом также уселась на стул. В открытую форточку тянуло свежим и прохладным, но еще летним августовским воздухом. Слышалось стрекотание кузнечиков и громкие веселые голоса - смех гуляющей полупьяной молодежи. Сигаретный дым пробивался в форточку, и, казалось, будто пропитывал всю кухню едким, удушающим газом. Ангелина мысленно ругала первый этаж. Она уже начинала задыхаться. И как можно курить такую вонючую гадость, которая к тому же портит здоровье? Ей было непонятно. Дань моде, зависимость? Вряд ли это важный повод гробить собственное здоровье в угоду чьему-то бизнесу, делающему деньги на чужих

зависимостях и понтах. С улицы послышался поток пьяной брани и разборок, и Ангелине стало совсем противно. Далее - громкий ворчливый старческий голос, угрожающий молодежи полицией, и через пять минут снова тихо. Слышно только кузнечиков. Злобный крик старухи вытравил молодежь вон.

“Последний день лета”, - с грустью подумала Ангелина. Она вспомнила счастливое лето, проведенное у бабушки и дедушки за чтением книг. Три месяца спокойствия и расслабления, когда не нужно ходить в школу и видеть одноклассников. Не слушать их насмешки и оскорбления, не имея возможности ничего им сделать. Безмятежная, блаженная пора. Почему эти чудесные месяцы каникул не длятся вечно?! Так бы и просидела всю жизнь в тишине и покое, вдали от людей, среди одних лишь книг. Ангелина вспомнила, как каждый день на протяжении всех этих прекрасных летних месяцев она проводила на природе, в полном уединении. После пробуждения и завтрака, она шла в небольшой лесок недалеко от бабушкиного дома, выбирала там свою самую любимую полянку, располагалась в тени большого дерева и читала интересные, любимые книги до самого обеда. Никто ей не мешал, не отвлекал. Кругом одна лишь миролюбивая природа, которая никогда ей не причиняла зла и не обижала, в отличие от людей. Яркое солнце, вокруг сочная зеленая трава и разноцветные благоухающие цветы, на которые то и дело садятся пестрые бабочки и трудолюбивые пчелы. В траве прыгают кузнечики, кругом летают стрекозы. Полное умиротворение, гармония, соединение с первозданной природой. Что еще нужно человеку?! После обеда она снова приходила на полянку и уходила только перед сумерками. Прекрасное время! И вот все вмиг закончилось. Снова быстрое течение города, маленькая темная квартирка, школа, неприветливые и злые одноклассники, которым не интересен внутренний мир. Ангелина и рада бы подружиться с ними, да никто не ценит этой готовности и открытости. Она им не нужна. А у нее все-таки гордость и навязываться бессмысленно, это она знала по опыту. Да она и не хочет, ей самой неинтересно с ними. Помнится, когда-то она была открыта всему миру и очень любила людей. В раннем детстве много смеялась и даже на грубость отвечала неизменной улыбкой, чем всех вокруг удивляла и обескураживала. Но потом как-то под давлением внешней среды вдруг ожесточилась – постепенно так, незаметно, но окончательно. Непосредственность, искренность ей же и вылезали всегда боком. На улыбку раз за разом отвечали грубостью, несправедливость шла за несправедливостью и ее чувствительная, восприимчивая, глубоко ранимая натура стала закрываться в молчаливую, меланхоличную проницательность. Не то, чтобы она возненавидела людей, просто они стали ей непонятны. Да и что такое пресловутая любовь к ближнему? Она ее не видела вокруг себя, не чувствовала на себе и в итоге перестала чувствовать и в себе самой, хотя когда-то ощущала весьма явно.

Трудно быть не таким как все, иметь другие интересы и быть толстым. Хоть Ангелину и можно было назвать скорее полной, чем жирной или толстой – это мало меняло дело. Она все равно очень сильно отличалась от своих как на подбор сплошь худосочных сверстниц и ей этого отличия не прощали. Быть толстым в современном обществе, наверное, хуже, чем быть больным или инвалидом. Вторых все лицемерно жалеют, а вот на первых всегда отыгрываются и не дают спуска. Все, что угодно, лишь бы не лишний вес. К толстому относятся как к прокаженному, позволяют себе обзывать и критиковать. Хотя, собственно, какое им дело до этого? Много в чем такому отношению способствует телевидение, интернет. Там идет целая пропаганда. Все что выходит за рамки принятых непонятно кем стандартов красоты, автоматически становится уродством. Но почему собственно кто-то придумал, что высоченные, обтянутые одной кожей скелеты – это красиво, а остальное – нет? Кто и когда придумал такую абсурдность, что все должны быть одинаковыми, если сама природа создала всех разными? Почему какой-то ящик диктует, что красиво, а что нет? Почему всех заставляют стремиться к искусственности и однотипности? Опять все тот же бизнес на человеческих слабостях и комплексах. Вот только несоответствие обходится зачастую еще дороже – одиночеством и расшатанными нервами.

Вот почему Ангелина всегда предпочитала телевидению книги. Там ценятся чисто человеческие, душевные качества человека. В ее любимой книге “Джен Эйр” четко и ясно показано как, казалось бы, с непримечательной внешностью девушка имеет столько собственного достоинства, ума и благородства, что эта самая внешность становится неважной по сравнению с ее душевными качествами. Она обретает настоящую любовь и счастье и без показной миловидной внешности и богатства, проявив выдержку и стойкость и простив своих обидчиков.

Телевидение же напротив прямо дает понять, что без инкубаторской внешности и стервозного характера, не видать ни любви, ни счастья, ни успеха, ни достатка. Всем настолько промыли мозг, что истинные душевные качества человека перестали цениться, уступив место фальшивому образу пластмассовой силиконовой куклы с модельными параметрами, но куриными мозгами, готовой на все ради славы и денег. образу, к которому стремятся большинство ей знакомых девчонок. Телевидение убивает индивидуальность и насаживает призрачные, придуманные идеалы. Глянцевые журналы показывают всем отфотошопленных по полной программе барышень, заставляя стремиться к искусственной, на самом деле несуществующей внешности. И за это смехотворное несоответствие призрачному идеалу ее гнобили весь прошлый учебный год? Вот уж где истинная нелепость.

Эти глобальные мысли не давали ей покоя, но их оттеснили мысли более приземленные. Завтра предстояла самая нелюбимая дата всех школьников – первое сентября.

Прощай лето! Ангелина уже предвкушала встречу с одноклассниками и новый учебный год. Девятый класс. Как же бежит время! Скоро уже и школу заканчивать. Подумать только! Она даже похудела немного за лето, часто купаясь в речке и по возможности заменяя сладкое фруктами, которые бабушка выращивала в своем огороде. Но все это вряд ли заметят ее дотошные и категоричные одноклассники. А как же это было сложно сделать! Отказаться от парного молочка и пышных бабушкиных пирожков, так любимых ею с детства. Но ради чего только не пойдешь, лишь бы тебя оставили наконец-то в покое. А ведь даже родная бабушка вначале закармливает с раннего детства, а затем со временем пусть и мягко, но все же попрекает полнотой. Ангелина прекрасно помнила, как бабушка сама без конца пичкала ее в детстве во время всех каникул этими самыми пирожками, пельменями, да варениками. Теперь же вдруг, какой год уже сокрушенно качает головой и называет полной. То, что умиляло всех в детстве, теперь резко оказалось самым главным ее недостатком в глазах окружающих самых близких людей. Что уж тогда говорить о других, посторонних. Возможно, все они и правы. Да только почему именно этому уделяется так много внимания? Разве полнота самый противный недостаток, который может быть в человеке? Естественно, и не достоинство, но и не хуже, чем притворство или подлость. Вот хоть бы раз похвалили ее за достоинства характера – честность, откровенность, доброжелательность. Так нет же – именно это никого не интересует, всех заботит только ее фигура. И это обиднее всего.

Из всего класса Ангелина только соскучилась по лучшей подруге Ане Кисловой. Они не виделись все лето, и она уже ждала с нетерпением завтрашнюю встречу, что бы узнать, как та провела лето, что нового случилось у подруги за все то время, за целых три месяца пока они не общались. Впрочем, даже лучшая подруга о ней как-то забыла и не звонила все это время, стоило Ангелине уехать из города. Вначале они еще созванивались, но потом Аня все время где-то и с кем-то пропадала, постоянно оказывалась занятой, и Ангелина перестала ей звонить. Что ж, ее подруга любила подвижный образ жизни. В этом плане они были совершенно разными и, возможно, именно благодаря этой разности, контрасту когда-то, еще в первом классе, сдружились. И только проницательной не по возрасту Ангелине иногда казалось, что Аня дружит с ней только за неимением чего-то лучшего, потому как в более популярную компанию в классе ее не принимали. Но размышлять об этом не хотелось, и она отмахивалась от этой догадки, точно от назойливой мухи, стараясь думать о подруге только лучшее, раз уж дружит с ней столько лет. И все же разность интересов и здесь неприятно вылезала – вроде бы и дружба, но все то же внутреннее чувство одиночества, отстраненности, будто каждый сам по себе и на своей волне, точно и общего ничего нет, только что-то надуманное и оттого непрочное, временное.